

Сидящий напротив человек указал на пипу, затем на свои уши и широко оскалился. Вероятно, он улыбался, просто из-за ужасных шрамов на лице это было трудно разобрать. Однако Ли Синь чувствовал: настроение у незнакомца явно неплохое, и никакой маниакальной ярости в нем сейчас нет.

Украдкой взглянув на панель состояния, Ли Синь понял: выходит, этот человек и есть его первый фанат? Впрыснув себе порцию питательной смеси и немного восстановив силы, он взял пипу и спросил:

— Тебе нравится, как я играю?

Тот кивнул. Он по-прежнему молчал, и Ли Синь заподозрил, что собеседник либо немой, либо серьезно повредил связки. В конце концов, шрамы на его лице выглядели пугающе — сразу видно, человек перенес тяжелые увечья, так что повреждение горла было вполне ожидаемым.

Ли Синь и сам когда-то лишился возможности петь из-за того, что надышался дымом, поэтому всегда испытывал необъяснимое сочувствие к тем, у кого были проблемы с голосом. Он присмотрелся и вдруг решил, что лицо незнакомца уже не кажется таким уж страшным. Улыбнувшись ему, Ли Синь спросил:

— Это ты меня вылечил?

Человек снова кивнул, и в его глазах промелькнуло смущение. Он протянул палец и начертал на земле: Прости, тогда я не смог совладать с собой...

Ли Синь беззаботно покачал головой:

— Да брось, я тебя не виню. Никто не хочет рождаться с частотой ментальных волн выше нормы, никто не хочет быть брошенным на этой планете. Все мы просто пытаемся выжить. К тому же, разве ты не спас меня? По правде говоря, если бы не ты, меня бы давно растерзали обитатели этой свалки.

Человек кивнул, и в его взгляде появилось облегчение.

— Меня зовут Ли Синь, а тебя? — Ли Синь решил сделать шаг навстречу.

Тот, казалось, нахмурился и коснулся своего запястья. Ли Синь заметил, что у него, как и у самого Ли Синя, нет персонального терминала. Учитывая плачевное состояние незнакомца, Ли Синь невольно начал додумывать драматические подробности — за годы съемок в сериалах он нахватался всякого. Пока он предавался фантазиям, человек вывел на земле: Не помню.

— Тогда как мне тебя называть? — Ли Синь тактично не стал расспрашивать дальше. — Ты ведь мой спаситель, не могу же я обращаться к тебе эй.

Человек молча покачал головой, не проронив ни звука — видимо, ему было все равно, как его

назовут.

Ли Синь не стал настаивать. В конце концов, они встретились случайно: немой ранил его, но потом и спас — считай, квиты, никто никому не должен. В этом мире у Ли Синя не было ни одного друга, и он чувствовал себя ужасно одиноким. Увидев человека, с которым можно было хоть как-то объясниться, он хотел завязать знакомство, но раз у того нет желания, навязываться он не станет.

Пусть остается одиноким. В конце концов, жизнь в погоне за искусством всегда одинока, и единственный, кто может его понять, — это музыка.

Ли Синь обнял пипу и заиграл другую мелодию, в китайском стиле — Цинхуацы. Изначально она не была написана для пипы, но из-за своего древнего звучания ложилась на инструмент куда лучше, чем его собственная песня. В конце концов, это была лишь тренировка, целью которой было повысить мастерство владения инструментом, а не сама композиция. Вокальные данные Ли Синя были безупречны, а голос этого тела — просто великолепен. Мягкие, нежные переливы мелодии сделали его самого утонченным и элегантным. Хотя звуки пипы еще не были доведены до совершенства, сочетание музыки и инструмента, а также искреннее исполнение наполнили свалку налетом возвышенности.

Время будто отступило на тысячи лет назад, перенося слушателя в простую деревушку у реки, где в дымке дождя над крышами домов поднимался дым от кухонных очагов — тишина и покой.

Немой сидел напротив. Сначала он слегка хмурился, не понимая ни слов, ни непривычного для современной эпохи строя мелодии, но постепенно его лицо разгладилось. Он тихо закрыл глаза и, несмотря на шрамы, выглядел умиротворенным.

Так тихо, так спокойно. Его разрываемый безумием мозг словно накрыло прохладной шелковой вуалью, жар в голове утих, и все тело наполнилось легкостью.

Любое, даже самое сильное маниакальное желание в этой музыке растворялось, превращаясь в покой.

Казалось, он не спал целую вечность, казалось, он был смертельно уставшим, и наконец нашел тихую гавань, где можно передохнуть.

Дыхание немого стало ровным, а пальцы Ли Синя с каждой нотой двигались все увереннее. Он играл часами, не зная усталости. По идее, пальцы уже должны были стереться в кровь, но то ли это была магия Системы, то ли тела в этом мире — даже самые слабые — были выносливее прежних, но Ли Синь чувствовал лишь легкую усталость, без капли боли.

Пропев еще несколько нежных композиций, Ли Синь почувствовал, что стал гораздо лучше владеть инструментом. Он остановился и увидел, что немой крепко спит, а солнце уже скрылось за горизонтом.

Отложив пипу, Ли Синь достал из пространственного ящика спальный мешок и забрался внутрь — он тоже вымотался.

Стоило ему лечь, как перед глазами всплыла строка от Системы:

□Прошу Хозяина приложить все усилия для реализации мечты, в противном случае Хозяин будет признан неквалифицированным носителем, а Система — неквалифицированной и удалена.□

Ли Синь: «...»

Понятия не имею, кто создал эту паршивую Систему, но я бы с радостью нашел автора и прибил его. Это же надо — так загонять человека в угол! Хотя, с другой стороны, музыкальная Система не может не заставлять владельца петь. Но как вспомню свой нынешний статус — уличный певец, нищий... это же полнейший позор! Это же прекрасное уличное искусство, а в переводе Системы звучит так, будто я этим заниматься не хочу!

С тяжелым сердцем Ли Синь провалился в сон. Может, из-за того, что рядом был кто-то еще, он перестал чувствовать себя одиноким и проспал до самого рассвета, даже не видя снов. Когда он проснулся, немой уже встал. Вероятно, он где-то привел себя в порядок: раны на лице и руках были перебинтованы. Кроме глаз, все остальное было замотано бинтами, прямо как мумия.

Кстати говоря, медицина в этом мире была развита настолько, что любая ссадина лечилась одним уколом препарата, поэтому бинты и марля здесь давно вышли из употребления — в его личном наборе первой помощи их не было. Непонятно, где немой раздобыл столько бинтов. Да и раны у него были странные: обычные препараты их не брали, кожа была словно вывернута наружу, как распускающийся цветок — неприятное зрелище.

Благодаря роботам G-типа, общественные объекты на планете Эмир были в приличном состоянии. На свалке нашлось место, где можно было умыться. Ли Синь привел себя в порядок, сменил рваную после вчерашнего одежду на чистую и снова превратился в миловидного юношу. Ли Синь и раньше был привлекателен, но это тело обладало просто убийственной внешностью. Лицо юное и свежее, тело гибкое и крепкое — пусть рост 175 для кремниевых людей и казался коротышкой, самого Ли Синя все устраивало.

Красиво-то красиво, вот только эта одежда была последним комплектом в пространственном ящике, остальное пришло в негодность. Одежда здесь была куда прочнее старой, но планета Эмир была слишком опасной: одна крыса могла уничтожить целый комплект ценных вещей. В ящике почти не осталось сменки, пути назад не было.

Придется зарабатывать. Позор так позор, в конце концов, до прихода в индустрию развлечений он тоже ходил по улицам с гитарой за спиной.

Покрутившись по улицам с пипой, Ли Синь выбрал площадь Мухуа недалеко от свалки в

качестве площадки для своего первого выступления. Он сел на первый попавшийся камень, перебрал струны и заиграл популярную песню Хочу иметь дом. Честно говоря, для пипы она подходила не очень, но Ли Синь внес несколько изменений, и вышло довольно забавно — смесь древнего и современного. Уличный певец должен исполнять песни о мечтах, вроде Я маленькая птичка или В весенние дни.

Немой всюду следовал за Ли Синем. Пока тот пел, он сидел рядом на земле и внимательно слушал.

Жаль только, что за все утро слушателем был один лишь немой. Жители звездного мира редко ходили пешком, предпочитая летать на флайерах. К тому же, обитатели Эмира были довольно холодны: никто не знал, когда сосед ударит в спину, поэтому близких отношений ни у кого не было. Ли Синь играл все утро, но никто даже не остановился. Он охрип, но, кроме стакана воды от него, не получил ни одного цветка.

— Эх, совсем никого, — вздохнул Ли Синь, возвращаясь в полдень на свалку.

Мумия обвел глазами окрестности и молча протянул ему питательную смесь. Одной порции хватало лишь на поддержание минимума, а при физических нагрузках требовалось больше, иначе голод и слабость были обеспечены.

Передохнув, Ли Синь снова взял пипу и отправился на площадь. Вначале отсутствие публики — дело обычное, ведь местные не привыкли к древней музыке. В памяти прежнего владельца тела было мало популярных песен, да и музыкой почти никто не занимался, рынок был скуден, и людям мало что нравилось.

Лиха беда начало, главное — найти первых слушателей.

На этот раз немой не пошел с ним: они вышли вместе, но он куда-то исчез.

Когда ушел и последний слушатель, Ли Синь вздохнул и заиграл что-то грустное — Десять лет.

Два часа он до одурения играл песни о расставании, окончательно пав духом. Он уже подумывал, не заиграть ли что-то бодрящее, как сзади послышался странный звук, будто кто-то волочит тяжелый груз.

Обернувшись, он застыл: немой тянул за собой длинную веревку, к которой была привязана целая толпа людей — человек сто!

Все они были в синяках и с трудом стояли на ногах. Немой швырнул их перед Ли Синем, развязал веревку и прижал каждого к земле, чтобы не сбежали. Затем он кивнул Ли Синю и жестом показал, что пора начинать концерт.

Ли Синь: «...»

□Система: текущее количество фанатов — 1, цветов — 10, хейтеров — 137. Напоминание: если число чистых фанатов упадет до минус тысячи, Система самоуничтожится. Текущее число: -136. Прошу Хозяина проявить бдительность.□

Уличный певец (6)

Ли Синя словно ударило током. Он оцепенел, мозг перестал соображать.

Он совсем не переживал из-за отрицательного числа фанатов — ведь популярность всегда приносит хейтеров, но если стать известным, число фанатов будет расти. Система не установила сроков, она лишь подгоняла его, поэтому Ли Синь не чувствовал угрозы. Музыка была частью его жизни, он бы занимался ею в любом случае, так что единственной опасностью были хейтеры.

Но чтобы иметь хейтеров, нужно быть известным! А сейчас, при популярности в 138 человек (1 фанат + 137 хейтеров), у него уже минус 136? Это что, шутка такая?

Ли Синь от ярости чуть не лопнул. Он схватил Мумию за бинты и, почти извергая пламя, прошипел:

— Зачем ты притащил столько людей!

Но Мумия лишь приоткрыл глаза, в которых светилось ожидание похвалы. Ли Синь прекрасно понял, что тот хотел сказать: Твои песни такие красивые, я привел людей послушать, тебе нравится?

Глядя в эти вопрошающие глаза, Ли Синь не смог произнести ни слова упрека. Не мог же он растоптать искренность единственного друга, которого нашел в этом мире.

Ладно... пусть будет так. Раз уж сегодня пришло столько людей, а в запасе еще час, будем считать... будем считать, что они пришли послушать. В третий раз такого не допущу, если повторится — порву с ним все отношения, но сейчас пусть будет.

Ли Синь беспомощно обнял пипу. За свою жизнь он слышал о принуждении к торговле, к азартным играм, но чтобы принуждали слушать музыку — это что-то новенькое. Надо будет потом серьезно поговорить с Мумией, иначе он его погубит.

Система не уточняла, к какой эпохе относится пипа, но в древности на ней играли горизонтально. Медиатор уже был в пальцах Ли Синя, но способ игры еще не изменился. Он привык к гитаре, поэтому держал изящную пипу в дикой манере гитариста, что выглядело довольно комично.

Настроив струны, он приготовился к выступлению.

□День, количество слушателей достигло одной десятой от необходимого для повышения уровня. Включен режим помощи Системы. Активирована техника игры на пипе мастерского уровня. Исполняемое произведение — одобренная Системой партитура.□

Ли Синь: «...»

А в одобренных партитурах была только одна — та самая подарочная Сяо Байцай!

Конечно же, его руки начали двигаться сами собой, мастерски выводя жалобную мелодию: Сяо Байцай, а-а-а... К счастью, под контролем были только руки, голос оставался его собственным, так что Ли Синь еще мог сдерживаться и не петь эти слова!

Черт возьми, петь Сяо Байцай на улице — это уже совсем нищенство!

Пальцы умело скользили по струнам, но музыка была такой душераздирающей, что даже мастерский уровень не спасал — самому хотелось плакать. Ли Синь был человеком впечатлительным, особенно когда техника исполнения навязывалась Системой. Прекрасные звуки пипы были точь-в-точь как в Песне о пипе: «То громко, словно ливень, то тихо, как шепот... словно жемчуг падает на нефритовое блюдо...».

Его нынешняя Сяо Байцай по-настоящему вызывала слезы. Чувствительный музыкант не выдержал и запел: Сяо Байцай, в поле желтая... в два-три года мамы лишилась... родная мама, родная мама... живи с папой хорошо...

И, черт возьми, на языке Империи Звездного Союза!

Прошло три тысячи лет, человечество жило в одной империи, и все говорили на стандартном языке. Это был не тот язык, что он знал, но, похоже, тоже иероглифический. Из-за того, что это была языковая группа китайского, длина каждого слога была одинаковой, в отличие от латыни. Так что на языке Империи это звучало даже в рифму.

Более того, у этого тела Ли Синя мать действительно рано умерла, а отец Ли Чэн давно женился во второй раз, причем его новый ребенок был даже старше самого Ли Синя. С древних времен мачехи были злыми, так что песня идеально ложилась на семейную ситуацию Ли Синя.

Жители планеты Эмир тоже затаили обиду на своих родителей, и мелодия идеально попала в их чувства. Даже слушатели, которых Мумия притащил силой, постепенно прониклись и начали сочувственно смотреть на певца.

Когда песня закончилась, Система оповестила:

□Количество фанатов — 57, хейтеров — 81, чистых фанатов — -24. Победа близка, продолжай в том же духе!□

В сердце Ли Синя вспыхнула надежда. Пальцы дернулись, и он... снова заиграл Сяо Байцай!

Это просто безумие! Кто захочет слушать одну и ту же песню снова и снова? Ли Синь в отчаянии играл ее снова и снова, дойдя до седьмого раза, когда даже у его главного фаната — Мумии — взгляд из сочувствующего превратился в раздраженный.

Он проиграл ее десять раз. Число фанатов скакало по параболе от -136 до 132, а потом снова падало до -34. Если бы не Мумия, эти люди, притащенные сюда силой, давно закидали бы его кирпичами.

К счастью, после десятого раза мастерский режим отключился. Ли Синь отбросил пипу и начал трясти затекшими руками. Мумия подошел помочь, сжал его плечо и вдруг замер, в его глазах вспыхнул восторг. Ли Синь понял, что тот хочет сказать: Какое мягкое!

Лицо было изуродовано, но глаза — невероятно красивые. Ли Синь почувствовал странную смесь грусти и радости, будто от незрелого фрукта — кисло-сладкий вкус. В искусстве из десяти мужчин девять — геи, и Ли Синь не был исключением. Дело не в том, что они рождались такими, просто творческие люди были более восприимчивы. Любовь, секс, алкоголь — все это могло стать источником вдохновения.

Ли Синь не был стопроцентным геем, он и сам не знал своей ориентации, потому что в прошлом мире не встречал того, кто тронул бы его сердце. А здесь, после месяца одинокой борьбы, вдруг появился человек, который поддерживал его без всяких условий — пусть и помогал неуклюже. Ли Синь смотрел в глаза Мумии, и его сердце забилося чаще... быстрее... чертовски быстро!

Конечно, у любого сердце забьется, если ему случайно сломают руку!

Мумия, сжав руку Ли Синя, обнаружил, что она невероятно мягкая — совсем не такая, как у кремниевых людей, даже женщины не были такими мягкими. Он пришел в восторг и, как ребенок, начал мять руку Ли Синя, заодно стараясь размять ноющие мышцы.

Но стоило подумать: кремниевые люди по сравнению с хрупким углеродным телом Ли Синя были как танки. Ли Синь был таким мягким, что его кости казались слабее кожи других жителей. Мумия никогда не встречал настолько хрупких существ и, приложив чуть больше усилий, просто сломал Ли Синю руку.

Горло, которое только что выводило нежные песни, огласилось воплем боли. Руку сломали живую, это было невыносимо!

Самое страшное, что в аптечке закончились все восстанавливающие препараты.

Через несколько секунд лоб Ли Синя покрылся холодным потом, лицо стало мертвенно-бледным, он весь дрожал от боли. Мумия, растерявшись, покрутился на месте, затем подпрыгнул, вытащил что-то из карманов застывших зрителей и убежал.

Ли Синь, ослепленный болью, не заметил его действий. Он решил, что, сломав ему руку, тот просто сбежал, и в душе проклинал его последними словами.

Поистине: Сяо Байцай, в поле желтая... как же я жалок.

Мумия ушел, но зрители не решались сдвинуться с места. Боевая мощь Мумии была слишком высока — никто не знал, какой у него уровень генов, но мозги, хоть и были не в порядке, в бою он был первоклассным. Он в одиночку притащил сюда столько людей, и те, будучи в нормальном состоянии, конечно, не смели сопротивляться. Но и уйти они не могли, лишь с сочувствием глядя на Ли Синя.

<http://bllate.org/book/21290/2158738>